

НА ОБЕТОВАННЫХ ЗЕМЛЯХ

(Из путешествия по Алтаю)

Там, где кончаются бесконечные леса и поднимаются высоко-высоко скалистые горы, где бурно шумят горные реки и потоки, с белой пеной прыгая по камням, где простёрлась неведомая никому пустыня, где-то там, за китайской границей, в непроходимых дебрях, лежит загадочная земля, называемая «Беловодье». Не знает этого места никто, не заезжает сюда заседатель, а между тем как-то зашли сюда русские люди и живут привольно, много земли у них и угодьев, и нет здесь тягостей и тяжкого крестьянского горя. Есть здесь храмы, и звон колоколов будит звуками окружающую пустыню. Никто не знает Беловодья, знает его только раскольник и русский крестьянин, прокравшийся в него. Этот миф о Беловодье, распространённый в южной Сибири, двинул русскую колонизацию к китайским границам.

Мы видели деревни и скромных крестьян у подножия снежных Альп, где крестьянство часто надевает на себя ткани китайского шёлка, вымениваемые на границе. Кругом дикая, оригинальная природа, киргизы, китайцы и тут же русская деревня, русский говор, русская песня, русский хоровод. Но не ограничились этой гранью русские селения. Нет-нет, да и начнётся попытка отыскать заветное Беловодье. Попадали русские крестьяне бухтарминцы в китайские города и были оттуда возвращаемы, бывали на оз. Куку-норе, всё отыскивали своё Беловодье. А есть ли такое Беловодье, — бог весть. Тихо и медленно тянутся до последнего времени обозы переселенцев или новосёлов, таинственно, скромно пробираются они

мимо больших дорог в глубь Алтая, где встречает их и приковывает этот миф о каких-то заповедных землях, о какой-то мифической стране, и они плетутся всё в даль да в даль...

А, кажись, везде мест довольно, и какие места!

Когда мы въехали в северные предгорья Алтая, в долины рек Песчаной, Каменки и Ануя, мы поражены были красотой мест, обилием лугов и роскошью растительности. Пред началом предгорий раскинулись, точно малороссийские, степи, покрытые душистыми травами, цветами, с выступавшими по местам перелесками. Когда мы любовались этой степью перед закатом солнца, мы видели вдаль горы, подёргивающиеся как бы лёгким туманом, как бы голубою дымкою самой нежной вуали; над ними алеет лёгкая розоватость неба. Бесконечно зелёная равнина, клумбы берёзовых рощ с душистыми паеками (пчельниками), бесчисленные стада, как точки, усеяли эту степь. Скрывавшееся солнце с золотым бордюром облаков дополняло картину. Трудно передать то обаяние, какое производит эта даль, этот воздух. Когда спустилась ночь, горы как бы уходили вдаль. Равнина наполнилась ароматом нежных трав, а наверху зажигались серебряные звёзды, яркие и большие, благодаря чистоте и прозрачности горного воздуха. Когда в горах нас заставала ночь, грозные профили гор с лиственницами смотрели на нас угрюмо и таинственно. Лиственницы выступали гигантами, цеплявшимися за нас руками. Иногда на небе сгущались тучи и только кое-где мелькали просветы, небо составляло контраст с тёмной долиной, в которую мы спускались. Вот тучи схватили небо, стало ещё темнее, мы погрузились совершенно в тёмную бездну. Совсем беспросветная тьма окружила нас. Лошади плелись уныло, звякая колокольчиками. Один ямщик направлялся куда-то. Вдруг среди этой томящей тьмы зажглась искра. Вот она растёт, вот и весёлый костёр около деревни. Это деревня Туманова, поставленная лет 10 назад переселенцами пермяками. Через четверть часа мы были в тёплой избе этих обстроившихся колонистов.

Убаюканные поэзией ночи, мы просыпались каждое утро под ослепительным блеском солнца.

Чем дальше мы ехали и совершали перевалы из гор в долины, картина открывалась шире. Местами среди зелени обнаруживались каменные утёсы, перевитые зеленью; иногда эти утёсы представляли разрушенные

замки и церкви. Около них били ключи и весело журчали речушки, пробиваясь между камнями. Зелень здесь была ещё живописнее. Она вырастала иногда на камнях. С гор спускались лиственницы, травы были в высоту человека. Горы выступали резче и, наконец, показались «белки», горы с пятнами снега на вершине. Странно, во всех этих местах, проезжая по глухим долинам Алтая, повсюду мы встречали странников, плетущихся всё вперёд и вперёд. Мы проехали весь Алтай, вот скоро уже снежные горы, вот поднялся неприступный хребет. «Куда вы?» — спрашивали мы странников и получали один ответ: «Местов искать». Иногда мы встречали пионеро-пытовщиков: они шли по постоянным подъёмам и спускам, где дорога столь утомительна, что приходилось на середине станции переменять лошадей. Часто измученные, в поту, в одних белых рубахах, с котомками спускались они с гор, с посохами в руках. Это были скорее какие-то подвижники, чем искатели счастья. Но на них смотрели сплошь и рядом совсем иначе.

— И ташутся куда-то, сами не зная куда, — говорили старожилы, недовольные тем, что новосёлы не торговались с ними, а шли далее. — Чорт их знает, куда лезут! — говорило начальство.

— За Чергой¹, сказывали, места хороши, — говорили странники и всё забирались дальше и дальше. Иногда на вопрос они торопились вытащить паспорта, робко озираясь и говоря: «Мы по паспортам, ваше высокоблагородие!» — намекая этим, что они — не бродяги. Чем дальше странники-колонисты достигали этих мест, чем более осваивались они с привольем, тем более, кажись, они становились разборчивыми, «а дальше ещё лучше», — думали они, — «за Чергой, сказывают, хорошо». Остановиться сразу не хотелось, ибо выбор мест был большой.

Чем более они осваивались с этими местами, чем более всматривались в это приволье, тем менее им хотелось расставаться с ним. Иногда мы видели, как поражённые этим привольем, этой тучной почвой, они подолгу стояли, опершись на посохи, устремив жадные взоры на этот девственный чернозём. Они облюбовывали эти места и в то же время робко осматривались. Их охватывала тайная робость и страх, что вот их погонят отсюда и не дадут высмотреть то, чего они жаждут. Эта ро-

¹ Река Чарга (Прим. авт.).

бость и боязнь, как мы заметили, не оставляла даже поселившихся и обстроившихся.

Раз в своём исследовательском усердии, равном разве усердию цивилизованного ищейки, я наткнулся на обстоятельство, заставившее меня серьёзно задуматься. Оканчивая объезд, приходилось уже расставаться с горами; при выезде из одной деревни я заметил, однако, за несколько вёрст от неё небольшую горную речку в долине, где стояли одинокие лачужки шагов 50 друг от друга. Это были знакомые характерные постройки переселенцев. Мне ужасно захотелось съездить к этому начинающему строиться посёлку. Приказав ямщику с повозкой ехать по дороге, я имел глупость взять у него пристяжную с крестьянским седлом и поехал верхом к переселенцам новосёлам один. Посёлок стоял в стороне от дороги, окаймлённый горами. Когда я на крестьянской лошадёнке приехал в него, тут только я понял всю странность и неожиданность моего появления в деревеньке. Из изб высыпали робкие и пугливые переселенцы. Они смотрели на меня очень боязливо, как дикари. Я слез с лошади, попросил напиться и начал любопытствовать. Ответы были односложные, сухие. Взгляды были все подозрительные. Скоро все начали расходиться, и я остался только с одним переселенцем. В самом деле, что такое был в их глазах человек, прибывший к ним внезапно, с видом чиновника, на худой крестьянской лошади и пытающий их? Я объяснил свой приезд тем, что я любопытствую узнать, как живут новосёлы. Но это ещё больше насторожило их: «Разве любопытствует кто без дела?» Ведь крестьянин не подозревает, что есть такие несчастные люди на русской земле, которые в самом деле только любопытствуют крестьянское житьё, не имея возможности принести ни капли ему облегчения. Видя пугливость этих несчастных странников, выбравших себе эти места, я не принял во внимание, что большинство их начинает обстраиваться, когда они ещё не приписаны, заселение их не утверждено, юридическое положение непрочное, и что они переживают в эту минуту самое мучительное состояние духа. На лицах можно было прочесть чуть не страдальческое выражение при ответах. Видя холодность приёма и какое-то недоверие, я начал прощаться и подошёл к лошади, проклиная неудачу поездки. Вдруг позади себя я услышал глухой грудной голос. — «Ваше благородие, зачем ты сюда приехал?» — «Просто посмотреть, как живёте и давно ли здесь: не говорите,

так и бог с вами», — сказала сухо. — «Ваше благородие, ты недаром приехал?» — услышался тот же голос. Это говорил оставшийся со мною новосёл. Чёрные глаза его упорно, вызывающе, смотрели на меня, а на лице было какое-то судорожное, болезненное выражение, в котором сосредоточивалось мучительное переселенческое беспокойство. — «Ничего мне от вас не надо, добрый человек», — сказал я мягче: — «успокойся!» Но, конечно, я не мог рассеять подозрение и тронул лошадь. — «Ты землемер!» — как бы почувствовав смелость, выкрикнул новосёл и побледнел от собственной дерзости, вызванной чувством опасности, как и произнесением страшного для крестьянина имени. — «Ты землемер, мы знаем», — повторил он грустно, и вдруг в глазах его заблестела такая мольба, какой я в жизни не забуду. — «Не губи! не гони нас с местов...» Он не упал в ноги, но стоял бледный, как подкошенный, как осуждённый.

Видя впечатление моего приезда, я сошёл с лошади и начал успокаивать бедных новосёлов. Уверившись, что я ничего против них не имею, они рассказали мне свою горькую исповедь. Как и все, они выбрали места на этой речке и поселились самовольно, не приписавшись к обществу, ибо с них требовали по 30 р. за приёмный приговор. Они развязали мошны, послали ходочков хлопотать об отводе земель: выйдет ли что — бог ведает, а пока томились в ожидании. Соседние крестьяне им беспрепятственно угрожают и обещают донести на них, что они строятся самовольно. Вот с чем совпал мой приезд. Я старался дать совет, обещал никому не говорить об их посёлке, ободрил их и расстался дружественно; я был глубоко потрясён их судьбою.

Вспоминаю и ещё одну встречу. Мы ехали в весёлое и чудное утро по Алтайской долине. Горные речки сверкали серебром, направо и налево выступали горы с клубящимися по ним облаками. Местами вырастали причудливые утёсы, обвитые зеленью. С одной стороны спускались с гор хвойные леса, гребни гор золотились лучами солнца, луга сверкали цветами, трава была роскошная. Вот выбежал ручей; по берегам его были видны сплошные кустарники жимолости, малины и смородины, усеянные гроздьями ягод; белый жасмин, колокольчики, лилии и жёлтые розы, — всё это напоминало бухтарминскую флору сибирской Италии. Цветы становились роскошнее.

Я увидел целые поля, покрытые мальвами. Это был настоящий лес цветов; они были лиловые и белые в рост мой. Я выскочил из повозки, набрал целый пук этих цветов, образовав чудовищный букет, уселся с ними и смотрел в синеющую даль гор. Солнце сияло так ослепительно, всё было такое праздничное. Никогда, моя родина, я тебя не видал более красивою. Я увидел тебя здесь весенней красавицей, украшенной мальвами, дикими розами, пионами и лилиями; я видел тебя с красотою твоих утопающих вдали гор, с богатством цветущих долин. Здесь ли, кажись, не воспользоваться твоими благами, девственная земля, здесь ли не создать счастья? И вот в такой-то долине, в минуту моих восторгов, я был остановлен и пригвождён неожиданной встречей.

Как бы в контраст этой красивой, полной жизни природе, я увидел жалкую повозочку, затянутую рваной парусиной, в ней сидела худая женщина, а жалкую, исхудалую лошадь вёл в поводу пожилой крестьянин с повязанной головой платком. Но надо было видеть, что это была за лошадь и что это были за люди. И лошадь, и хозяева, кажись, одинаково были изнурены. У лошади спина представляла сплошную язву, как будто её расклевали вороны. Тучи оводов и мух садились и бередили спину несчастного животного. Я взглянул на упряжь: она вся состояла из худых связанных верёвок и мочал.

— Старина, что это ты на такой лошади едешь? она падёт у тебя! — сказал я.

— Батюшко, — отвечал он тихим голосом, каким говорят только нищие, — одна и есть лошадёнка, да вот и та заболела в дороге; бабу везу больную, ходить не может, ноги распухли...

— А у тебя что голова подвязана?

— От жары, батюшко, разломило.

— Что же вы не остановитесь нигде?

— Где, батюшко, остановиться-то... Н а д с а д и л и с ь. Из Рассей шли. Пришли, кормиться нечем, все больные, так вот и побираемся мало-мало по деревням. Авось, до страды промаемся, а там и наймёмся работать!

Это были новосёлы, истощившие свои силы, надсадившиеся. Дойти до обетованной земли и среди этих привольных благословенных мест остаться нищими! Какая насмешка судьбы!

Но случается и ещё печальнее конец. Бредёт-бредёт новосёл за новыми местами, или ходит-ходит, мается, ищет случая приписаться, борется со старожилками, кото-

рые с него запрашивают, ходатайствует перед горными властями, землемерами, словом, ведёт эту процедуру года, хлопочет, да вдруг и сгинет в этих поисках. Так и пропадёт из списков, — ни там, ни здесь. Может быть, он открыл, нашёл таинственную землю, где можно поселиться без приписки, без паспорта, без землемера. Может быть, он дошёл в это мифическое «Беловодье», где нет податей, а староверу и раскольнику веры не заказано. Недаром об этом «Беловодье» более сотни лет слагаются мифы. Но где же оно? Вот за Чаргою идёт ряд хребтов, вот ущелье Чуи, Чуйские Альпы, вот вершины Катуня с вечными снегами. Дойдёт переселенец до них, до этих белых вод, окрашенных песком морен, увидит эти водопады, эти неприступные скалы и ущелья, посмотрит на горных орлов. Но это ли желанные белые воды? Постоит он и повернёт назад. А там, в горной долине, глядишь, шёл капризный скиталец да вдруг заночевал. Давно полдень, солнце залило долину, печёт, а он всё спит; вечер наступил, прохладой повеяло, аромат трав несётся, золотятся пурпуром вершины чудных гор незнакомого края, а он всё спит, не просыпается. Что-то ему грезится среди этих волшебных мест. Не родную ли деревню он видит и зовёт из неё родню на новые места, ставит дом, — земля-то какая, место-то какое, вот где отдохнуть, вот где заживёшься в довольстве! Проехали мимо него промышленники, отправляясь на промысел, и, усмехнувшись, сказали: «Спит новосёл!» Проскакала повозка чья-то. — «Это что за человек?» — крикнул проезжий. — «Новосёл спит», — сказал ямщик. А новосёл так крепко и сладко уснул, что ему больше не нужно и просыпаться.

Смотря, как мыкается этот человек в поисках за новыми местами, смотря на это вечное скитанье и отыскивание чего-то, словом, озирая всю эту бродячую колонизацию, я часто задумывался и невольно спрашивал себя: «где же лучше?» С этим вопросом я стоял у берегов обширных и прекрасных озёр на привольной степной Барабе, смотря в туманную даль плавающих в зелени островов; с этим вопросом стоял я среди цветущих боров на берегу Оби, на благословенных местах Карасука; его же я задавал и там, где серебрятся вершины Алтая, любясь с высот бесконечно волнующимися горами и широкими долинами. Его я задаю и теперь: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно запало, скрылось, притаилось?!»